

«Конец прекрасной эпохи»

Наш корреспондент Ирина ГОРЮНОВА беседует с писателем Владимиром МАКСИМОВЫМ

- Сегодня, когда в нашей стране происходит смена режима на более либеральный, само слово «либерализм» как бы исчезло из обихода. Кроме как с фразой «либерализация цен», мы с понятием «либерализм» не встречаемся. Так где же она сейчас, российская либеральность, и кто он, российский либерал?

- О каком либерализме можно говорить сегодня в России? Все же любой либерализм подразумевает защищенность личности: юридическую, социальную, физическую. У нас, например, с вами дожить до вечера - фифти-фифти. То, что происходит сегодня в России, не имеет отношения ни к либерализму, ни к демократии. Это - люмпенизация на всех уровнях: и на культурном, и на политическом. Как можно говорить, к примеру, о свободе печати, когда большинство газет финансируется государством. Но главное - личность беззащитна. Идет игра, имитация, не имеющая отношения к подлинной реальности. Правительство живет само по себе, общество - само по себе.

- Какой же из этого выход?

- Не знаю. Развал государства, науки, культуры, распад человеческого общежития, может быть, целой цивилизации. Поэтому нет предмета разговора, если говорить о либерализме. Образование Уральной республики я расцениваю как начало конца.

- Если можно, поточнее, как Вы оцениваете происходящее сегодня, о начале какого конца говорите?

- О конце русской, российской цивилизации. Я не вкладываю сюда этнического смысла. Я говорю о распаде огромного исторического организма.

- Но если уж коммунизм не сумел разрушить российскую цивилизацию...

- Коммунизм, может быть, даже, как это ни парадоксально, ее «подморозил». А оттепель, которая началась, показала нежизнеспособность этого организма, и мы наблюдаем ужасающие последствия. Боюсь, что выход из коммунизма окажется для нас тяжелее, чем вход.

- Это парадоксально... Вы жалуете о 25 - 30 годах своей жизни? Ведь Вы участвовали в разрушении коммунизма?

- Я считал, что мы боремся с идеологией, которая являлась грузом на государственном теле, и что стоит освободиться от этого груза, как снова возродится Россия в традиционных формах. Никто из нас, кто боролся с коммунизмом, не представлял последствий. Это вызов истории, на который ни у кого не оказалось ответа, ни у Запада, ни у Востока.

- Вы сожалели о разрушенной Берлинской стене?

- А вы знаете, что в Германии носят майки с надписью «Верните нам стену»? Трюкщик сказал в свое время, что «уходя, мы громко хлопнем дверью». И сейчас коммунизм громко хлопает дверью. Какова цена выхода из коммунизма Афганистана, Югославии, Таджикистана, Грузии! Сколько крови и сколько ее еще прольется! Это месть системы.

- Разве Вы не считаете, что коммунизм, одряхлев окончательно, умер своей смертью?

- Хоронить рано. Под той или иной личиной он еще вернется и уже возвращается. Посмотрите, как сейчас возвращается номенклатура почти во всех республиках.

- Может быть, она и не уходила?

- Отходила в сторону, так скажем. А психология их такая: им все равно, что исповедовать, главное - быть у власти.

- Вы считаете возможным переход к авторитаризму?

- Для диктатуры тоже надо быть личностью огромного политического и физического мужества, человеком, который ставит на кон все: и судьбу своей семьи, и свою собственную. Какой диктатор из нынешнего российского Президента, если его указы не выходят дальше Спасских ворот, если он их то издает, то отменяет. Мало того, нужны инструменты власти.

Лично я за очень твердую власть в России. В такой многонациональной стране, как Россия, экономические реформы можно проводить лишь в условиях твердой власти. Но поезд-то уже ушел. Никаких механизмов реализации той Конституции, которая будет приниматься, пока нет. Зиновьев, мой коллега, правильно говорит, что сейчас хватят одного авантюриста вроде Гусейнова, который возглавит дивизию, пройдет сквозь всю страну и, дойдя до Москвы, не встретит никакого сопротивления.

- Но в России все-таки есть власть...

- Нет инструмента у власти, да и чем они управляют, современные политики? Печатают деньги и раздают их по признаку лояльности... Это не может долго продолжаться.

- Полгода назад в нашей с Вами беседе Вы страстно и убедительно говорили: радикализм в России смертельно опасен. Но, может быть, сегодня - и это звучит в ваших размышлениях - именно радикальные меры способны остановить «разрушительный процесс»?

- Я был бы за эти меры, но опять-таки, есть ли инструмент?... Психология общества вышла из-под контроля вообще. Никто никому не подчиняется. Даже никто такую силу, чтобы обуздать стихию вседозволенности и безвластия?

- Но ведь народ не принял ГКП,

Всемирно известный русский писатель Владимир Максимов, чьи произведения «Семь дней творения», «Карантин», «Прощание из ниоткуда» послужили поводом для изгнания из России, Владимир Максимов, создавший в Париже журнал «Континент», где впервые публиковались Солженицын и Ионеску, Кестлер и Войнович, и организовавший антикоммунистический «Интернационал сопротивления», довольно категоричен сегодня во взглядах на российскую действительность. Многие из того, что ныне говорит и пишет Владимир Емельянович, прямо противоположно его прежним статьям и суждениям. Что же, может быть, такова природа человека. Будущее кажется ему всегда печальным, а прошлое - розовым, каким бы страшным оно ни было. Впрочем, любая высказанная мысль относится к тому моменту, когда сказано, и не может быть высечена в камне...

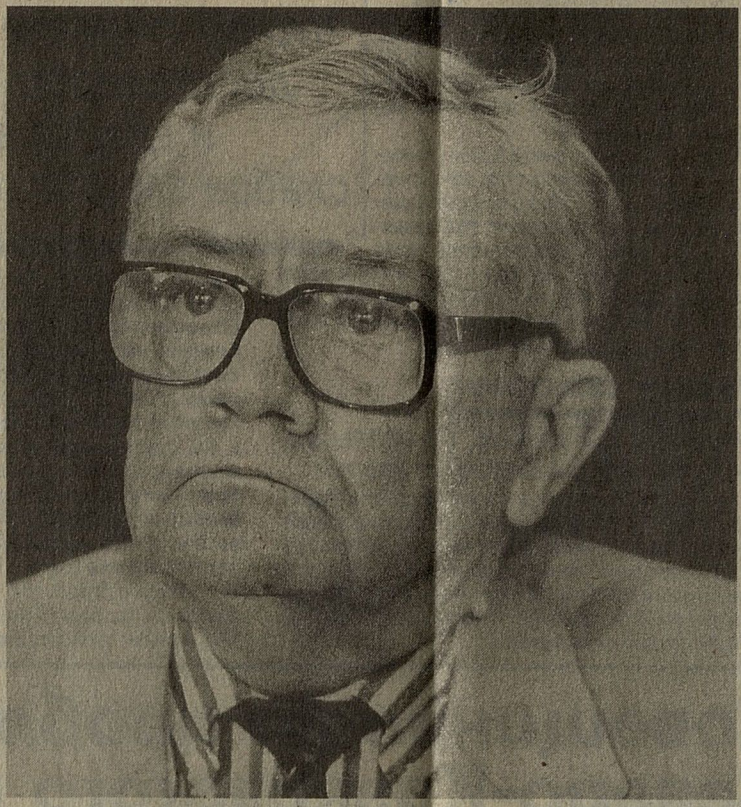

Фото Анатолия Хрупова.

который хотел «обуздать» стихийное разрушение страны...

- Это громко сказано: «народ». Начнем с того, что нынешние экачеписты и их противники из одной грибочки. У «Белого дома» было максимум 100 тысяч человек, в Москве же 9 миллионов населения. А страна довольно индифферентно отнеслась к этому. Все выжидали. Это ведь была революция сверху.

- Но в 1917 году тоже была революция сверху...

- Да, но тогда был введен тотальный террор. Благодаря ему народу навязали коммунистический режим. Сегодня на это бы никто не решился.

- А как Вы оцениваете результаты голосования на референдуме?

- Смотря как его толковать. Надо учитывать, что в общем в поддержку Ельцина и его реформ проголосовало городское население, где происходит перераспределение собственности явочным порядком. А страна в огромной своей части осталась индифферентна, что и опасно. Полное равнодушие ко всему, усталость. Из этого рождается страшная химера - фашизм.

Я в последнее время специально читал литературу о Веймарской республике. Точная параллель - происходит люмпенизация общества. Не из партии Гитлера вырос фашизм, а из люмпенизированной массы. И в России он рождается не в «Памяти». Это романтики-полуинтеллигенты. Но они могут дать этому движению идеологию. А в общем все родилось на национальном унижении, на экономическом разрухе, на растлении. Вся либеральная печать писала тогда: «Нет никакого немецкого народа» - это конгломерат диалектов. Нет никакой немецкой культуры - это романтическая выдумка Бисмарка. И вообще у немцев никогда не было никакой культуры. Это народ ничтожество». Вот на чем Гитлер сыграл. Ведь к нему пошла большая часть коммунистов. Тогда Радек с Геббельсом обменивались шутками. Радек сказал, что он из любого фашиста за две недели сделает коммуниста. А Геббельс сказал, что за неделю сделает обратное.

То, что сейчас делают российские власти в экономической области, это и может породить фашизм, ибо экономический радикализм породит люмпенскую массу: безработных, обделенных.

- В чем все же Вы видите главную ошибку людей, которые решились на демонтаж коммунистической системы?

- Все тот же политический романтизм. Мол, мы сейчас, в 500 дней, или к ближайшей осени найдем верное политическое и экономическое решение и заживем в капиталистическом раю, как тогда в коммунистическом. Но как можно за 500 дней в России пройти путь, который Запад прошел за 200 лет? Это же смешно. Мы ведь, как дети, все хотим сейчас. Вот дай мне эту игрушку сейчас. Да нет! Надо долго и много работать.

Вот возьмите Китай. Все говорят, у нас милитаристская экономика. Но на основе той же экономической системы китайцы по суммарным показателям оказались на третьем месте в мире, после Японии. Есть подозрение, что лет через 10 они будут на первом. Гайдар говорит: у нас не Китай. Но согласитесь, что у нас, тем более, не Америка. Однако китайцы, имея тысячекратный опыт руководства большими массами людей, понимают, что эта система, как чулок, она по-своему совершен-

на, но стоит одну ниточку вытащить, и все - чулка нет. Мы же всегда по старой русской привычке ищем простейшие решения.

- Что Вы думаете по поводу новой Конституции?

- То, что она ничего не изменит. Жизнь, знаете ли, сама себя восстанавливает, как трава сквозь асфальт - прорастет. Но ведь ей не дают возможность восстановиться. Нарастет только жизненная пленочка - они сразу ее срывают.

- И все-таки что важнее: чтобы государство было могучее и большое, или чтобы люди жили хорошо?

- Одно от другого зависит. Хотя сегодня многие радуются распаду России. А кому от этого лучше? Маленький Израиль, а хочет быть большим, между прочим. Это заложено в человеке, который сам по себе агрессор. Почему цивилизованные Англия и Испания никак не поделят Гибралтар, который к ним не имеет никакого отношения? А Израиль как воюет за свои территории, сколько крови уже пролило? Как бы мы ни отосились к Саддаму Хусейну, нельзя себе позволить бомбить город с мирным населением, не имеющим к этому никакого отношения.

- Когда создавались США 217 лет назад, каждый штат имел свою экономику, вел свою политику. А потом возник конфедеративный принцип, который объединил их...

- Не так просто они нашли этот принцип. Если завтра в одном из департаментов Франции кто-нибудь встанет с левой ноги и объявит его независимой республикой, да на следующий день власти захлопнут на нем наручники. Нельзя явочным порядком заявлять об образовании внутри государства отдельной республики. Какой же вологодский чиновник не мечтает быть министром? На амбициях все построено, из-за них и разрушается государство. Ходить по ковровым дорожкам, пить чай с Колем и Клинтон...

- Владимир Емельянович! Думали ли Вы, организуя в эмиграции «Интернационал сопротивления» и журнал «Континент», что сможете так переменить свои суждения?

- Знаете, очень точно сказал Зиновьев. Он откровенный человек, у него есть интеллектуальное мужество. «Если бы мне, - сказал он, - поставили условие: либо твои книги, либо то, что сегодня в России, я бы сказал: пусть моих книг не будет».

Самое страшное, что происходит сейчас, по выражению чешского философа Вацлава Белградского, - «банализация зла». Привыкает человек ко всему. Приходишь в тюрьму, и тебе кажется, что ты никогда не сможешь здесь жить. Через месяц это начинает быть нормой, бытом. Или на фронте - убийство, зло становится бытом. А в это время происходит катастрофический распад иерархии ценностей. Вот Ахсенов говорит: «А что? «Мальборо» - на каждом углу!» Милый! Так в Сенегале и Эфиопии то же самое. Правильно Зиновьев называет это «колониальной демократией».

- Тем не менее жизнь продолжает развиваться. Театры выпускают спектакли, журналы издают журналы и газеты, проходят фестивали, съезды, симпозиумы...

- Подорваны основы: образования, науки, медицины. У меня недавно был разговор с Александром Яковлевым. Под ним уже земля горит, а он тоже: «А, ничего, все в порядке». Это все эмоции. Вот у меня

на столе лежит отчет Института социально-политических исследований Академии наук. Это жуткая статистика. Людям, которым удалось довести страну до такого состояния, надо честно насушить сухари и идти сдаваться в прокуратуру.

- Что Вас ужаснуло в этом отчете?

- Да все: и смертность, и рождаемость, и преступность, и алкоголизм, и экономическое положение, и политическое, и национальный вопрос... Нигде нет такой стремительной деградации, ни в одной стране. И выдавать баночки этикетки за признаки благополучия все равно, что возить яркие бусы аборигенам. В той же Академии наук прекращено государственное финансирование фундаментальных исследований. Где, в какой стране, это возможно? Нам теперь говорят, что будет платное образование. Да где, в какой стране образование платное? Во Франции все институты, университеты, частные школы - на дотации государства. Это ведь основа, будущее страны.

- Вы уехали из СССР, когда ваше творчество душила цензура, ваши произведения не издавались, вас увольняли с работы. Сегодня опубликовано полное собрание ваших сочинений на Родине, ваши пьесы идут в театрах. Разве не об этом Вы мечтали?

- Когда-то Мандельштам в ответ на чьи-то укоры, что его не печатают, сказал: «А Христа печатали?» Я задавал себе вопрос: «А почему мой роман откровенно антисоветской направленности они должны печатать? Борьбаться против себя?»

- Разве Вас устраивала такая иерархия ценностей?

- Но была какая-то иерархия ценностей, она рухнула. А что взамен? Ничего. И я не знаю, что лучше. Приведу пример. Как-то я пришел на вечер Булгакова в ЦДЛ. А так как Булгаков был полузапрещенным, в первом ряду сидело все начальство, чтобы в случае чего нейтрализовать ситуацию. Входит Симонов, который председательствовал. За ним - вдова Булгакова, а за ним - какая-то старуха в длинном черном платье до полу. И первый ряд (!) встает, за ним - весь зал. Я спрашиваю у соседа, кто это. А он отвечает: «Разве ты не узнал? Это же Анна Ахматова». Все-таки они знали, с кем имеют дело, даже преследуя. Знали истинную цену. Был «гамбургский счет». Теперь этого нет. Ничего святого.

- Но Вас же выбросили из Союза писателей, Солженицына - выгнали, Войновича - выгнали. О какой иерархии ценностей Вы говорите?

- И тем не менее. Что такое Солженицын, они прекрасно сознавали. Чаковский, конформист, довольно наглый человек, к нескольким писателям выходил сам навстречу. Он знал, что есть кто.

- Сегодня существует такое мнение, что диссидентский период русской литературы закончился. Как Вы относитесь к этому утверждению?

- Вообще та эпоха кончилась. Есть диссиденты, которые писали, а есть просто литература, которая в силу своей направленности против системы не публиковалась. Вы же не скажете, что Бродский или Солженицын - диссидентская литература. Как она может кончиться? В чем был смысл диссидентства? Это было противостояние определенной идеологии. А чему сегодня проти-

востоять? Именно поэтому я перестал возглавлять «Континент». И когда мне предложили придумать название для фильма о «Континенте», я сказал: «Конец прекрасной эпохи».

- Разве для Вас она была прекрасной?

- Она многих устраивала, в том числе диссидентов. Все было ясно - друг, враг. Она и на Западе многих устраивала.

Сегодня нужны новые подходы, новые методы. Я недавно записал на телевидении некоторые беседы с крупными западными политиками. И они признают, что на своем уровне у них тоже жесточайший кризис во всех областях, экономической и духовной жизни.

- Как Вы оцениваете роль интеллигенции в сегодняшней жизни России?

- В среде интеллигенции сегодня та же атмосфера нетерпимости, что была в 20-е годы! «Вот еще немного - и заживем. Ну, не без жертв! Но это же враги, надо от них избавиться, и все будет хорошо». Вы посмотрите, какие люди пошли работать на режим в свое время: Мейерхольд, Маяковский, Станиславский...

- Но многие работали под дулом пистолета, у них выбора не было.

- А Мейерхольд с пистолетом на репетиции ходил и говорил, что хочет строить коммунизм. Это как?

Был я недавно на конгрессе интеллигенции, и многим из тех, кого я уважаю, хочется сказать: «Но что вы уж так к власти-то бежите?» Вот в этом и беда русской интеллигенции: она всегда была с победителями. У меня в «Карантине» есть авторская ремарка: «Да здравствует побежденный!» У меня принцип - всегда с побежденными.

Вы говорите, у многих выбора не было. А у Шоу, у Ромена Роллана, у Пикассо был выбор? Его кто-нибудь под дулом пистолета заставлял картиночку писать «Твое здоровье, Сталин»?

- А Ахматова, Мандельштам, Зощенко?..

- Правильно. Но их по пальцам можно пересчитать. А потом, кто-то ядовито, но правильно сказал: «Это не они советской власти не хотели, это советская власть их не хотела».

- Как в контексте сказанного Вами можно расценивать возвращение Солженицына?

- Во-первых, еще не вечер. Но он понадевался много обязательств. Срок возвращения называл. Я уже говорил, что, если он вернется, я сниму перед ним шляпу. Но мне кажется, момент для его возвращения - не физическое, а духовное, политическое - упущен. А потом он несет идею, которую нынешняя интеллигенция не принимает, - просвещенного патриотизма. И я считаю себя патриотом. Не националистом. Я против любого национализма. Национализм разрушителен. Это бич времени, чума. Люди, жившие веками бок о бок, уничтожают друг друга.

- Владимир Емельянович! Где вы живете, как человек, писатель, гражданин, - в Париже, на Красноармейской в Москве, в космосе, где?

- Я живу всегда в России. Бродский хорошо сказал: «Лишь передвинулся в пространстве». Мне сейчас очень больно. Я слышу, как одна тележурналистка в Пресс-клубе вещает, что она счастлива от развала России, а я - большой. Объявляют независимость очередной российской области, а я - большой.

- Но ведь Вы поддерживаете тесные творческие связи с Россией.

- Да, в московских театрах идут мои пьесы, репетирует Театр имени Гоголя новую пьесу по моему роману о Колчаке. Только что позволено из издательства о выходе последнего тома собрания моих сочинений. Но меня это совершенно не радует. Это как для Васи Ахсенова этикетки, внешняя сторона.

- Так неужели Вы чувствовали себя тогда более свободным человеком, чем теперь?

- Не свободным, но необходимым. Было ощущение востребованности. Замечательный писатель Фазиль Искандер точно передал мои чувства: тогда у меня было ощущение жизни, а теперь у меня этого ощущения нет. Я тогда видел все: бродяжничество, голод, сумасшедший дом, тюрьму, что я только не делал, каким трудом не занимался. Но ощущение жизни у меня было, а теперь - нет.

- Тем не менее Вы продолжаете работать, писать...

- Да, я заканчиваю роман, в основе которого судьба Михаила Деммина, диссидента, прошедшего лагеря и спившегося в трущобах на окраине Парижа. У него крайне интересная родословная: по матери - дворянская, по отцу - казаческая. В его судьбе как бы пересекаются судьбы всех российских слоев общества, социальных пластов. Прием ретроспективных.

- Как Вы называли свой новый роман?

- «Кочевание до смерти». Может быть, в этом и судьба России...

- А если это просто смена одной цивилизации другой? Рухнула Империя. Идет непростой период поиска новой пути.

- Может быть. Может быть, судьбой, Провидением Господним суждено, чтобы Россия не исчезала, а изменяла форму своего существования. Но я почему-то считаю, что Россия должна быть великой.